

## НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280>

Шифр научной специальности 5.1.4

# Правовой запрет в механизме уголовной политики государства

**Микаутадзе Сергей Романович,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, Российская Федерация, 389050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, <https://orcid.org/0009-0007-0198-5947>, [mikautadze.s@yandex.ru](mailto:mikautadze.s@yandex.ru)

## Аннотация

В статье проведен научный анализ функциональной роли правового запрета в качестве инструмента упорядочения наиболее значимых в условиях современных тенденций уголовной политики государства общественных отношений. Исследована социальная сущность правового запрета как метода правового регулирования, а также важного и неотъемлемого инструмента механизма уголовной политики государства. Обоснован вывод о том, что правовой запрет, являясь выражением части позитивных общественных отношений, обеспечивает их охрану от недопустимого, категорически порицаемого обществом преступного поведения и, следовательно, существует объективно и независимо от действия механизма уголовно-правового регулирования. Отдельное внимание уделено исследованию социально-правовой роли правового запрета в механизме уголовной политики противодействия преступности. Озвучен тезис о том, что правовой запрет, как и дозволение и предписание, являются общеправовыми инструментами упорядочения общественных отношений и не имеют отраслевой принадлежности. Аргументирован вывод о двух взаимосвязанных концепциях современной отечественной уголовной политики: социально-правового воздействия и уголовно-правового регулирования, а также о центральном месте в содержании указанных концепций функциональной роли правового запрета и института уголовного наказания. Сделан вывод, что применение правового запрета в процессе криминализации противоправных актов не должно противоречить социально-правовой сути данного явления и доктрине уголовного права, на которых основано конструирование уголовного закона и сформирована правоприменительная практика. Конфликт соответствия, желаемого и возможного в контексте современных тенденций уголовной политики, стал предметом настоящего исследования, а предложенные выводы подчеркнули его актуальность и обосновали его практическую значимость. Цель исследования заключается в том, чтобы на основе аргументированного представления о социальной сущности правового запрета научно обосновать концептуальный подход к пониманию механизма уголовно-правового регулирования и практическому его применению в контексте современных тенденций уголовной политики государства. Методической основой исследования послужили как общенаучные методы познания (диалектический метод, анализ и синтез, индукция и дедукция), так и частноправовые методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, конкретно-социологический и др. Использование данных методов позволило обеспечить комплексное исследование правового запрета как социально-правового и юридического явления, дать правовую характеристику и оценку его функционального значения в механизме отечественной уголовной политики. Практическая значимость исследования заключена в его ориентированности на анализе функциональной роли правового запрета в механизме уголовно-правового регулирования, обосновывающей научную концепцию конструирования и применения уголовно-правовой норм в отечественной правоприменительной практике.

**Ключевые слова**

правовой запрет, уголовная политика государства, механизм правового регулирования, уголовно-правовое воздействие

**Финансирование**

Это исследование не получало внешнего финансирования.

**Вклад автора**

С.Р. Микаутадзе – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Для цитирования**

Микаутадзе С.Р. Правовой запрет в механизме уголовной политики государства // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 273-280. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280>

OECD 5.05; ASJC 3308

## Legal prohibition in the mechanism of the State's criminal policy

**Sergey R. Mikautadze,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of Criminal Law, Process and Criminalistics Department, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk, 389050, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-0198-5947>, [mikautadze.s@yandex.ru](mailto:mikautadze.s@yandex.ru)

**Abstract**

The article scientifically analyses the functional role of legal prohibition as an instrument of ordering the most significant social relations in the conditions of modern tendencies of criminal policy of the state. The social essence of legal prohibition as a method of legal regulation, as well as an important and integral tool of the mechanism of criminal policy of the state is investigated. The conclusion that the legal prohibition, being an expression of a part of positive social relations, provides their protection from inadmissible, categorically condemned by society criminal behavior and, therefore, exists objectively and independently of the mechanism of criminal-legal regulation is substantiated. Special attention is paid to the study of the socio-legal role of legal prohibition in the mechanism of criminal policy to counteract crime. The thesis that the legal prohibition, as well as permissions and prescriptions, are general legal tools of ordering social relations and have no branch affiliation is voiced. The conclusion about two interrelated concepts of modern domestic criminal policy: social and legal impact and criminal law regulation, as well as about the central place in the content of these concepts of the functional role of the legal prohibition and the institute of criminal punishment. It is concluded that the application of legal prohibition in the process of criminalization of unlawful acts should not contradict the socio-legal essence of this phenomenon and the doctrine of criminal law, on which the construction of criminal law and law enforcement practice are based. The conflict of conformity, desirable and possible in the context of modern trends in criminal policy has become the subject of this study, and the proposed conclusions emphasized its relevance and substantiated its practical significance. The purpose of the study is to scientifically substantiate a conceptual approach to understanding the mechanism of criminal law regulation and its practical application in the context of modern trends in criminal policy of the state on the basis of a reasoned idea of the social essence of legal prohibition. The methodological basis of the study was provided by both general scientific methods of cognition (dialectical method, analysis and synthesis, induction and deduction) and private legal methods: comparative-legal, formal-legal, concrete-sociological and others. The use of these methods allowed to provide a comprehensive study of legal prohibition as a socio-legal and legal phenomenon, to give a legal characterization and assessment of its functional significance in the mechanism of domestic criminal policy. The practical significance of the study lies in its focus on the analysis of the functional role of legal prohibition in the mechanism of crimi-

nal law regulation, substantiating the scientific concept of the construction and application of criminal law norms in domestic law enforcement practice.

**Keywords**

legal prohibition, criminal policy of the state, mechanism of legal regulation, criminal legal impact

**Funding**

This research received no external funding.

**Author's contribution**

S.R. Mikautadze – concept development, collection and processing of normative materials, selection of literature, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

**Conflict of interests**

The authors declare no relevant conflict of interests.

**For citation**

Mikautadze, S.R. (2025). Legal prohibition in the mechanism of the State's criminal policy. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 273-280. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280>

**Введение**

В арсенале мер государственного принуждения выраженный в уголовном законе правовой запрет всегда выступал не просто в качестве средства наказания, а в качестве орудия укрепления основ политической системы, правопорядка и придания стабильности общественным отношениям. Как пишет А.В. Малько: «...история права, правового развития того или иного общества – это во многом история запретов, их установления, изменения и отмены» [1, с. 3].

Исследование функциональной роли правового запрета в качестве инструмента упорядочения наиболее значимых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, в условиях современного значения уголовной политики государства, представляется особенно актуальным. Такие вызовы национальной безопасности, как геополитическая напряженность, военное противостояние, высокая степень опасности последствий террористических и экстремистских проявлений, структурная трансформация преступности, вызванная естественными процессами цифровизации общественных отношений, вынуждает обратить особое внимание на эффективность воздействия инструментов, прежде всего, уголовно-правового характера. Государство сегодня желает максимально продуктивно использовать арсенал такого воздействия в механизме целенаправленной уголовной по-

литики государства, направленной на противодействие данным угрозам. Однако желание добиться любого результата должно сопровождаться возможностями его достижения. Применение правового запрета в процессе криминализации противоправных актов не должно противоречить социально-правовой сути данного явления и доктрине уголовного права, на которых основано конструирование уголовного закона и относительно сформирована правоприменительная практика. Конфликт соответствия желаемого и возможного в контексте современных тенденций и мер уголовной политики стал предметом настоящего исследования. Его цель заключается в том, чтобы на основе аргументированного представления о социальной сущности правового запрета научно обосновать концептуальный подход к пониманию механизма уголовно-правового регулирования и практическому его применению в отечественной правоприменительной практике.

**Методы исследования**

Методической основой исследования послужили как общенаучные методы познания (диалектический метод, анализ и синтез, индукция и дедукция), так и частноправовые методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, конкретно-социологический и другие. Использование данных методов позволило обеспечить комплексное исследование правового запрета как социально-

правового и юридического явления, дать правовую характеристику и оценку его функционального значения в механизме отечественной уголовной политики государства. Выявить тенденции современной уголовной политики России и обосновать социально-правовую роль правового запрета и института наказания в их формировании и обосновании соответствия.

### Обсуждение

Одной из центральных тем теории права вообще и теории любого отраслевого права в частности является вопрос общественных отношений как того объекта, на который направлено воздействие механизм правового регулирования. Несомненно, общественные отношения – это то, по поводу чего и ради чего существует право.

Для теории уголовного права этот вопрос является принципиальным, поскольку из-за специфики правового регулирования данная отрасль права многими специалистами относится к правовому механизму, обеспечивающему исключительно охрану общественных отношений от противоправных поведенческих актов, предусмотренных в законе в качестве преступлений, а предметом правового регулирования видят правоотношения, возникающие в связи с совершением преступления.

Выполняя свою регулятивную и предупредительную функции, уголовное право обеспечивает воздействие на сознание потенциального преступника, но никак не широкого круга законопослушных граждан, поведение которых не связано с действием уголовно-правовых норм. Как отмечает Ю.И. Ляпунов, такие «...действия законопослушных граждан в самых разнообразных сферах их жизнедеятельности абсолютно индифферентны для уголовного права, далеко лежат за пределами регулятивного воздействия его норм» [2, с. 49].

Поддерживаемое большинством отечественных ученых-криминалистов мнение об отстраненности предмета уголовно-правового регулирования от сферы позитивного регулирования общественных отношений, позволяет прийти к выводу о том, что именно факт совершенного преступления порождает правовое регулирование. Правовой запрет, являясь выражением части пози-

тивных общественных отношений, обеспечивает их охрану от недопустимого, категорически порицаемого обществом преступного поведения и, следовательно, они существуют объективно и независимо от действия механизма уголовно-правового регулирования.

Для ряда других ученых такое ограничение регулятивного потенциала уголовного права является не совсем верным. Так, например, по мнению М.П. Карпушина и В.И. Курляндского уголовное право «регулирует отношения, не только связанные с совершением преступления, но и всю систему охраняемых в целом правом общественных отношений» [3, с. 117].

Сторонники данной точки зрения настаивают на том, что «механизм уголовно-правового регулирования значительно шире и не ограничен общественными отношениями, возникающими в связи с совершением конкретного преступления» [4, с. 59]. В воздействии на сознание через ограничение свободы выбора поведения участников общественных отношений проявляется способность правового запрета регулировать, хотя и косвенно, такое поведение, определять его вектор для конкретного человека и неопределенного числа людей в целом. Осознание запрета определенного поведенческого акта удерживает человека от возможности его совершения, регулируя поведение данного человека. «Способность воздействия правового запрета на общественные отношения, как на определенную системную совокупность социально-правовых связей между людьми по поводу наиболее значимых, естественных прав, свобод и интересов, выражает регулятивную функцию уголовно-правовых норм. Таким образом, общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного права, существуют объективно и независимо от последнего» [5, с. 90].

Комплексное исследование социальной сущности общественных отношений как социальных связей, обусловленных объективными потребностями людей, общества и государства во взаимоотношениях по поводу наиболее важных вопросов жизнеобеспечения, функционирования, позволяет прийти к выводу о том, что преступление как юридический факт не способно трансформировать

данные отношения в самостоятельные уголовно-правовые. Естественная потребность в существовании общего порядка обуславливает становление и упорядочение данных социальных связей и порождает новые институциональные формы их закрепления, стабилизации, развития. Право, как совокупность правил, определяющих порядок в естественных взаимосвязях между субъектами фактических общественных отношений, формализует последние, которые закрепляют в нормативной форме свободу дозволенного, обязывают и запрещают недозволенное поведение. Право становится социально-политическим институтом, вызванным к жизни общественными отношениями, потребностями их развития и регулирования. Не хаотичные, а упорядоченные общественные связи между людьми – это социально-необходимое состояние общественных отношений в социуме. Таким образом, право – это не что-то внешнее для общественных отношений, право – это естественная форма общественных отношений. Более того, думается, что, в определенном смысле, право – это и есть общественные отношения.

Используя правовой запрет в качестве одного (наряду с дозволением и предписанием) из социально-правовых инструментов регулирования, право обеспечивает упорядочение всех социальных связей от возможного, но недопустимого, категорически порицаемого обществом преступного злоупотребления правом свободы дозволенного поведения, причиняющего существенный вред позитивным общественным отношениям, нарушающего, повреждающего и разрушающего отдельные их составляющие социальные связи. Таким образом, правовой запрет, как и дозволение и предписание, являются общеправовыми инструментами упорядочения общественных отношений и не имеют отраслевой принадлежности.

Думается, что распределение права на отрасли является результатом потребности юридического конструирования механизма правового регулирования фактических общественных отношений. Здесь данные социально-правовые инструменты задействуются в процессе законотворческой деятельности государства в качестве методов правового

регулирования и, условно, критериев для разграничения различных отраслей права.

Таким образом, правовые запреты вплетаются в ткань правового содержания правил поведения, регулирующих позитивные общественные отношения, становясь их органичной частью. Выражаясь в виде социально-правового явления, правовые запреты берутся законодателем на вооружение в конструировании одной или нескольких уголовно-правовых норм, формирующих конкретные правила поведения, выраженные в статьях уголовного закона. Так, правило поведения, выражающее категоричный запрет на их существование в рамках позитивного общественного отношения, приобретает форму уголовно-правовой нормы, которая запускает механизм уголовно-правового регулирования при условии совершения преступления, то есть нарушении данного запрета.

Важно отметить, что данные общественные отношения «становятся уголовно-правовыми исключительно в связи с совершением преступлением, и говорить о возникновении, существовании, функционировании самостоятельных уголовно-правовых отношений вне преступления, на наш взгляд, можно только условно» [5, с. 90]. В связи с этим представляется сомнительной корректность употребления формулировки «уголовно-правовой запрет», так часто употребляемый в текстах статей современных исследователей.

Получая выражение в уголовно-правовой норме, правовой запрет наделяется нормативно-правовой формой, что позволяет ему эффективно выполнять роль действенного социально-правового регулятора общественных отношений. Думается, что «общественные отношения, как совокупность социальных взаимосвязей, могут стабильно функционировать, только если они закреплены в нормативной форме. При всем разнообразии нормативных форм только правовая из них в наибольшей степени отвечает социальной сущности общественных отношений» [6, с. 260].

Таким образом, правовой запрет не просто имеет отношение к уголовному праву, а уголовное право через правовые запреты обеспечивает свою общую регулятивную функцию. Как пишет Я.М. Брайнин: «само-

стоятельный характер уголовного права определяется той ролью, которую оно выполняет по охране всей системы общественных отношений и всего правопорядка от преступных посягательств» [7, с. 21].

Страх уголовной ответственности перед запретом всегда обеспечивал власти тот уровень контроля, упорядоченности отношений, который позволял ей выполнять свою функцию организатора порядка, блюстителя безопасности, управителя поведением людей.

Следует сказать, что в условиях современной уголовной политики государство широко и эффективно использует охранительный и регулятивный потенциал норм уголовного права как инструментов противодействия преступности, контроля над ее уровнем. В отдельных случаях это вступает в противоречие с логикой законодательного конструирования уголовно-правовых норм, поскольку наделяет правовые запреты условным характером, создавая конкуренцию приоритета признаков общественной опасности и противоправности преступления. Анализ криминализации противоправных актов, вызванной обострением ситуации с проявлениями террористического характера, экстремистской направленности, обусловленной событиями, связанными со специальной военной операцией, позволяет заключить, что такой приоритет в условиях социально-правовой необходимости охраны данных общественных отношений отдается законодателем признаку противоправности.

Однако реакция государства при таких значимых обстоятельствах не может быть другой. Необходимо понимать, что уголовный закон – это один из важнейших инструментов государственного механизма противодействия данным угрозам. В этом смысле правильнее говорить не о тенденциях ужесточения уголовной политики, а о принципах ее функционирования, существования и развития на всех этапах развития государства и права, а не только сегодня.

В рамках данного направления уголовной политики нашего государства проявляется концепция социально-правового воздействия уголовного закона на общественные отношения. Благодаря данному воздействию «правовой запрет обеспечивает при-

знание границ свободы дозволенного и запрещенного поведения, наделяя субъектов данных общественных отношений свободой ограниченного выбора» [5, с. 91].

Как отмечает В.Я. Таций, «тем самым уголовный закон участвует в регулировании общественных отношений» [8, с. 13]. По мнению ученого, «сконструированный в рамках данной правовой идеологии уголовный закон воздействует на поведение человека и его отношения с другими людьми, а также обществом и государством, осуществляя при этом общепредупредительную, фиксирующую функцию» [8, с. 14].

Однако следует выделить и констатировать существование еще одной тенденции, явно проявляющейся в правоприменительной практике. Данная тенденция выражает концепцию либерализации применения уголовного наказания за совершение отдельных видов преступлений. Исследование позволяет констатировать проявление данной тенденции в либерализации правил применения института уголовной ответственности и назначения наказания, а также в размерах назначаемых наказаний за преступления не только экономической направленности, но и многих других видов преступлений, в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и т. д.

В этой политике государство через свою правоприменительную систему органов обеспечивает реализацию принципа индивидуализации уголовного наказания в каждом конкретном случае нарушения уголовно-наказуемого правового запрета. В ее рамках проявляется концепция непосредственного правового регулирования уголовного права. Данная концепция имеет общеправовые начала, о которых писал еще С.С. Алексеев. В одной из своих фундаментальных работ ученый отмечает, что «в качестве непосредственного предмета правового регулирования выступает волевое поведение участников общественных отношений, через которое только и можно осуществлять стимулирование или принуждение» [9, с. 376].

Могут ли данные тенденции одновременно характеризовать современную уголовную политику государства? Думается, что они не просто могут, а должны существовать едино и взаимодействовать в рамках

единой концепции политико-правового регулирования общественных отношений.

Как отмечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, «наказание как главный инструмент уголовной репрессии является основным акцентом содержания концепций социально-правового воздействия и уголовно-правового регулирования» [10, с. 420].

В рамках концепции социально-правового воздействия правовой запрет как бы «заряжается» наказанием, причем в такой степени, когда он начинает проявляться в нем, не может существовать отдельно от него. При этом правовой запрет продолжает оставаться выражением части позитивных общественных отношений, обеспечивает их охрану от недопустимого, категорически порицаемого обществом преступного поведения и, следовательно, существуют объективно и независимо от действия механизма уголовно-правового регулирования.

В то же время при непосредственном уголовно-правовом регулировании через наказание происходит реализация гуманистических принципов правовой системы государства, в основе которых личность человека, целесообразность наказания, его гуманизм в одном из своих проявлений (ст. 7 Уголовного кодекса РФ), а вслед за этим и требование справедливости. Нарушение правового запрета запускает механизм уголовно-правового регулирования, а сам запрет приобретает форму уголовно-правовой нормы.

Таким образом, обе данные концепции не только не противоречат, но являются вы-

ражением единого, сущностного понимания значения и тенденций современной уголовной политики государства. В основе данных концепций лежат представления о социальной сущности правового запрета.

### Заключение

Таким образом, современную уголовную политику можно охарактеризовать с точки зрения двух взаимосвязанных концепций: социально-правового воздействия и уголовно-правового регулирования. Актуальным выражением данных концепций являются тенденции ужесточения уголовно-правовых средств противодействия преступности и либерализация практики применения уголовного закона при совершении преступлений.

Центральное место содержания указанных концепций отводится правовому запрету и институту уголовного наказания. Воплощаясь в правовом запрете, наказание как форма реализации уголовной ответственности задает тон эффективности мерам уголовно-правового воздействия и предупреждения угрозам национальной безопасности. В рамках уголовно-правового регулирования процесс применения наказания является выражением потенциала уголовного закона для восстановления социальной справедливости и исправления осужденного. В данном значении проблема уголовного наказания всегда являлась одной из важных и сложных задач философской, правовой и общественной мысли.

### Список источников

1. Малько А.В. Запреты как средства правовой политики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 3-11. <https://elibrary.ru/pgcwft>
2. Ляпунов Ю.И. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. 2005. № 1. С. 48-52.
3. Карпушин М.П., Курляндский В.Н. Уголовная ответственность и состав преступления. Москва: Юридическая литература, 1974. 232 с.
4. Бавсун М.В. Соотношение уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (26). С. 56-63. <https://elibrary.ru/qbdqcb>
5. Микаутадзе С.Р. Общественные отношения как предмет уголовно-правового регулирования и объект социально-правового воздействия // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 85-93. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>, <https://elibrary.ru/spcxti>
6. Шматкова Е.М. Государственно-правовое воздействие на экономику в РФ // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5-6 (27-28). С. 260-264. <https://elibrary.ru/ojlbh>
7. Брагинин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. Москва: Юридическая литература, 1963. 275 с.
8. Тацкий В.Я. Объект и предмет преступления. Москва: Госиздат, 1986. 212 с.

9. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999. 712 с. <https://elibrary.ru/rmlyff>
10. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 419-430. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).419-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).419-430), <https://elibrary.ru/wzytlx>

## References

1. Malko A.V. (2012). Prohibitions as a means of legal policy. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Pravo» = Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Law Series*, no. 1 (11), pp. 3-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pgcwft>
2. Lyapunov Yu.I. (2005). Criminal law: subject matter and method of regulation and protection. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, no. 1, pp. 48-52. (In Russ.)
3. Karpushin M.P., Kurl'yanskii V.N. (1974). *Criminal Liability and the Offence*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 232 p. (In Russ.)
4. Bavsun M.V. (2013). Ratio criminal law and criminal law regulation. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, no. 2 (26), pp. 56-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qbdqcb>
5. Mikautadze S.R. (2024). Public relations as a subject of criminal law regulation and an object of social and legal impact. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1 (29), pp. 85-93. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>, <https://elibrary.ru/spcxti>
6. Shmatkova E.M. (2011). State-legal influence on economy in the Russian Federation. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*, no. 5-6 (27-28), pp. 260-264. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ojlbhb>
7. Brainin Ya.M. (1963). *Criminal Liability and Its Basis in Soviet Criminal Law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 275 p. (In Russ.)
8. Tatsiy V.Ya. (1986). *Object and Subject of the Crime*. Moscow, Gosizdat Publ., 212 p. (In Russ.)
9. Alekseev S.S. (1999). *Law: ABC – Theory – Philosophy: Experience of Comprehensive Research*. Moscow, Statut Publ., 712 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rmlyff>
10. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. (2016). The repressive approach to addressing social issues: causes and consequences. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, vol. 10, no. 3, pp. 419-430. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).419-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).419-430), <https://elibrary.ru/wzytlx>

Поступила в редакцию / Received 15.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 23.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.